

Л. Я. ДМИТРАЧКОВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ БЕЛОРУСОВ

Знаковым для национальной культуры белорусского народа называют обычно период конца XVII – XVIII в., по отношению к которому белорусский поэт М. Богданович употребил термин «летаргия национальной культуры» (летаргия от греч. *lethe* ‘забвение’ и *argia* ‘бездействие’). Напомним, что этот период связан с созданием Речи Посполитой и полонизацией белорусской культуры, ее обнищанием. Неужели термин «летаргия» и сегодня можно использовать для описания состояния нашей национальной культуры? Речь пойдет об «образе мыслей, психологическом складе ума, особенностях мышления», об «исторически сложившейся, устойчивой специфической форме проявления и функционирования общественного сознания в жизнедеятельности определенной национальной общности людей» [1, с. 17] – об этническом менталитете белорусов.

Нельзя не согласиться с тем, что центральную проблему белорусского менталитета составляет размытость, неочерченность этнического самосознания и самоидентификации белорусской молодежи. Это подтверждают и результаты нашего (совместного со студентами К. Г. Головейко, Ю. Н. Кипцевич) опроса старших школьников (60 человек 15–17 лет) и студентов (60 человек 18–22 лет) г. Бреста на предмет национального самосознания и самоидентификации. Слабым утешением в данной ситуации может служить то, что этнический менталитет (этническая ментальность) определяется как «латентная» (скрытая) или «фоновая» культура, совокупность контекстов, которые не артикулируются, а подчас даже не замечаются представителями этноса (этнофорами) [2, с. 16]. Заметим при этом, что «зарождение этничности начинается не с постижения господствующей идеологии и официальной культуры, а с усвоения “мелочей” – множества бытовых выражений, навыков, привычек, которые складываются в модели поведения» [2, с. 12].

Этническое самосознание (этничность) – это представление народа о собственной сущности, о своем месте во взаимодействии с другими народами и связанных с этим ценностях, идеалах и культурных смыслах этноса. Этническое самосознание складывается на основе сравнения и противопоставления образа «мы» и образа «другие» («чужие»). Именно на основе этого и делаются умозаключения о собственных культурных особенностях. Чрезвычайно значимым маркером этничности является, соответственно, самоназвание (этноним). Лишь на основе сложившегося в народе «самообраза», исходя из его совпадения и несовпадения с реальным

поведением людей, можно выстраивать некоторые тезисы относительно этнического менталитета. Так, Янка Купала, именно базируясь на самообразе, создал культурологически ценное понятие «тутэйшасць», Якуб Колас выделил существенную черту белорусского менталитета – локально-местное сознание («Мой родны кут, як ты мне мілы...»), но в целом основная сфера самообраза – это бытовая жизнь народа.

Как известно, большое воздействие на психологический склад народа оказывают географические и геополитические условия. В силу болотистого, лесистого ландшафта белорусы искони вынуждены были расселяться небольшими общинами, состоящими буквально из нескольких домов. Возможно, именно это породило целый ряд черт белорусского менталитета, таких как выносливость, умение мужественно преодолевать невзгоды и, наконец, некоторый индивидуализм. Так, если русский крестьянин во многом зависел от общины и строил свою жизнь, согласуясь с общественным мнением, то белорус всегда знал, что свои неотложные задачи он должен решать сам. Во многом это и сформировало знаменитое белорусское трудолюбие, упорство в достижении цели и, наконец, некоторую обособленность от больших коллективов.

Отсюда вытекает недоверие белоруса к глобальным коллективным идеям и такая неоднозначная черта национального характера, как «тутэйшасць». «Мы – тутэйшыя», – нередко отвечал белорус на вопрос, какой он национальности. Не в этих ли, казалось бы, безобидных словах многом кроется причина неочерченности, амбивалентности нашего национального самосознания?

Более того, культурное пограничье Беларуси (между Западом и Востоком) породило так называемую психологическую «пограничность», связанную с необходимостью осуществлять выбор и постоянный поиск своего собственного пути развития, а также толерантность к инакомыслящим в принципе. Видимо, глубоко вошла в менталитет народа древняя мудрость: «Шчыраму сэрцу і чужая болька баліць». Таким образом в процессе исторического развития белорусский этнос и приобретал свои особые черты, которые отличают его от других народов.

Этническая самоидентификация как представление о своей отличительности от членов других этносов (причем эта отличительность понимается как ценность) [2, с. 9] четко просматривается в социально-бытовых сказках. Обратимся к образу традиционного белоруса, а именно «белоруса-крестьянина», менталитет которого и составляет основание нашего сегодняшнего менталитета. Его отличительные ценности – это минимальность (умеренность) требований к жизни, в отношении к богатству в частности, фатализм и проистекающая из него идея «должного места», предполагающая строгий поведенческий кодекс, стержень которого – качество, которое мы назовем

«тихостью» (немногословие, застенчивость и сдержанность), как и покорность обстоятельствам, долготерпение, некоторая социальная вялость («млявасць») и другие качественные характеристики мужика.

«Окольное» бытийствование – древнейшая модель мышления, чувствования и поведения, типичная для белорусов: необходимо учитывать характер и силу противостояния и использовать их в своих интересах. Белорус – человек срединного пути, действующий по принципу «усё добра ў меру» [3, с. 124]. Причем отличительная черта белорусского критического самообраза – сравнительно малое количество отмечаемых сказочниками недостатков, во всяком случае недостатков выраженных. Это свидетельствует о том, что в целом общность оценивает себя достаточно высоко.

Но поскольку менталитет – латентная характеристика и часто неосознаваемая, в решении задачи формирования этнического самосознания и самоидентификации целесообразно, очевидно, обратиться к субъективному представлению о мире отдельной личности, внутренней картине, или «образу мира» (в трактовке А. Н. Леонтьева), или «концептуальной системе личности». Ибо отношение личности к действительности по своей сущности является концептуальным (результатом концептуализации мира). Другими словами, все познается и воспринимается на основе общей, связанной с существованием человека концептуальной системы, проявлением которой являются мировоззрение и мироощущение. Именно особенности концептуальной системы, а не ее отдельные элементы (конструкты, убеждения, установки) влияют на процессы познания, восприятия, интерпретации, прогнозирования и планирования. А процесс познания и восприятия мира определенным образом искажается в основном «в пользу» уже имеющихся представлений личности или внутреннего «сценария развития». Подобные изменения не осознаются личностью, чувственное и мыслимое выступают как неразрывно связанные психические содержания (гештальтконцепты), которые и являются для личности единственной и истинной реальностью.

Мы намеренно делаем акцент на концепции концептуальной системы личности. Именно она выступает в качестве субъекта образовательного процесса. Каждая личность развивает свой уникальный образ мира: его целостное понимание, интерпретацию, определенное эмоциональное отношение к интерпретациям и их оценке, а также организацию жизнедеятельности, адекватную этим же интерпретациям. Концептуальная система личности – это прежде всего «свой мир», условие и продукт активности личности. Ведь именно в процессе взаимодействия с миром, в процессе активной адаптации, социализации человек конструирует свой образ мира, свою концептуальную систему, которая и есть сам мир для него самого.

Речь идет о том, что гармоничное и адекватное развитие личности предполагает динамический процесс конструирования и постоянного корректирования «модели мира», концепции бытия. Однако повторим, что для личности ее образ мира, ее концептуальная система и есть объективный мир, объективная реальность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ашхаматова, А. А. Социально-философский анализ менталитета: общее и особенное : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / А. А. Ашхаматова ; Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. – Нальчик, 2006. – 47 с.
2. Чернявская, Ю. В. Народная культура и национальные традиции / Ю. В. Чернявская. – Минск : б. и., 1998. – 148 с.
3. Сержпутоўскі, А. К. Казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага павета / А. К. Сержпутоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 2000. – 270 с.

К содержанию

С. Н. ДЯГЕЛЬ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ В РОМАНЕ П. ЗЮСКИНДА «ПАРФЮМЕР»

Миф – это значимая культурная реалья, связанная с экзистенциальной потребностью человека в осмыслении и структурировании реальности, формировании картины мира и определения места человека в нем, конструировании идентичности, социального порядка и ценностно-смысловых основ собственного существования [1]. Современный человек существует под воздействием множества разнородных мифологических конструкторов: индивидуального мифа, конструируемого человеком для придания смысла, цели и единства собственной жизни, коллективных мифов (религиозных, социальных, национальных, политических и т. д.), принимаемых нами на веру. В современном сознании и культуре присутствуют как архаические мифологические структуры (архетипы, мифологемы, ритуалы, символы, образы), так и новые воплощения мифа (неомифологизм в художественном творчестве и литературе, искусственные мифологии в кино и видеоиграх) [2].

Ученые давно обратили внимание на схожесть мифологических сюжетов в разных культурах: любопытно, что мифы разных народов демонстрируют универсальную структуру повествования, описывающую